

Военнопленные Великой армии в Слободско-Украинской губернии

Среди проблем, связанных с войной 1812 г., судьба военнопленных наполеоновской армии в России относится к числу наименее изученных. Лишь сравнительно недавно отечественные ученые обратили на нее внимание¹.

В государственном архиве Харьковской области, в фонде канцелярии губернатора, хранится значительное количество дел, касающихся военнопленных. Содержащиеся в них сведения позволяют воссоздать картину пребывания солдат Великой армии на территории губернии в 1812-1814 гг. Автор надеется, что приведенные им факты окажутся полезными при создании в будущем всестороннего обобщающего труда по рассматриваемой теме.

Военнопленных, оказавшихся в Слободско-Украинской губернии, можно условно разделить на две категории. К первой мы отнесем лиц, которым губерния была определена местом постоянного проживания в плену, ко второй – «транзитников», следовавших через губернию в другие области империи.

Точную дату появления военнопленных на Харьковщине определить затруднительно, так как часть документов, относящихся к концу 1812 г., утрачена. Из сохранившихся финансовых ведомостей видно, что с июля 1812 г. отпускались средства на содержание 4-х «шляхтичей»². Ни их имен, ни званий в документах обнаружить не удалось. Вероятно, «шляхтичи» были штатскими лицами, интернированными как подданные враждебной державы. В сентябре в Харьков был прислан бригадный генерал Грациан Ферье – офицер Почетного легиона, командор Королевского ордена Обеих Сицилий, служивший начальником штаба у Неаполитанского короля³. С ним прибыл слуга – поляк-егерь Томаш Фленский. Продолжительное время Ферье и его слуга оставались единственными пленными, поселенными в губернском городе. В апреле 1813 г. к ним присоединились еще два француза: Фредерик де Бисси – полковник, исполнявший должность дежурного генерала в 3-й кирасирской дивизии и Жорж Пуарель – майор артиллерии, директор артиллерийских транспортов при Великой армии⁴. В конце того же месяца из Чернигова в Харьков прибыли польский бригадный генерал Доминик Дзевановский, его адъютант Клиховский, полковник Михаил Сур и подполковник Рогивский⁵. В мае – поручики Ольшевский и Катович, а также еще один француз – капитан генерального штаба Карл Понтрегли⁶. С этого времени количество военнопленных, присылаемых на жительство в губернию, неуклонно возрастает. В конце мая их было 23 человека, в июне – 112, июле – 139, августе – 159, сентябре – 178, ноябре – 195, декабре – 208 человек⁷.

Куда более значительным оказалось число «транзитников». В октябре 1812 г. русские власти приняли решение перевести военнопленных поляков из всех губерний на Кавказ, в крепость Георгиевск. Примерно 4000 из них должны были проследовать туда через территорию Слободско-Украинской губернии⁸. В связи с этим возникла проблема обеспечения партий пленными необходимым числом конвоиров. Командир Харьковского внутреннего гарнизонного батальона подполковник Шарапов доносил губернатору 18 апреля 1813 г., что из-за некомплекта офицеров и солдат в батальоне он не в состоянии выделить положенное количество людей для сопровождения пленными и просил найти для этой цели «обывателей пристойное число» и от «гражданского начальства дворянских чиновников»⁹. Губернатор был вынужден обратиться к уездным предводителям дворянства, чтобы собрания дворян избрали по два человека «надежных дворян, которым бы можно было поручить тех пленными». Чтобы добиться исполнения своего распоряжения, ему пришлось прибегнуть к угрозе: «Ежели кто из них станет паче чаяния откажется от исправления возлагаемой на него порученности напрасно, то не только отдан будет под суд, но и доложено от меня будет вышнему начальству»¹⁰.

Численность «транзитников» в 1813 г. действительно оказалась внушительной. По нашим подсчетам через губернию проследовало в мае 356 чел., июне – 860, июле – 254, августе – 1525, сентябре – 1242, октябре – 1163 человека¹¹.

В первые месяцы 1814 г. количество военнопленных, размещенных на жительство в Харьковской губернии, существенно не изменилось. На начало апреля их было 225 чел., в том числе французов – 5, австрийцев – 2 и поляков – 218¹². Тогда же в губернию прибыла большая партия пленными из состава Данцигского гарнизона – 47 штаб- и обер-офицеров, 644 унтер-офицеров и рядовых и 4 женщины¹³. Необходимость присмотра за столь большим числом

военнопленных снова породила проблему для местных властей. В ответ на предписание губернатора выделить для охраны пленников 3-х унтер-офицеров и 49 солдат, подполковник Шарапов рапортовал 10 апреля 1814 г.: «Едва ли мог с великой трудностью нарядить унтер-офицеров 2х... рядовых 30 человек навремя, потому что находящихся в остроге в карауле сменить будет не кем...»¹⁴.

Из вновь прибывших 94 человека были оставлены в Харькове, а остальные побатальонно размещены в уездных городах Ахтырке, Богодухове и Лебедине. В мае 1814 г. численность военнопленных в Слободско-Украинской губернии достигла своего пика, составив почти тысячу человек. В том же месяце, в связи с окончанием военных действий, начинается процесс репатриации пленных. Собственно, он начался еще в 1813 г., когда, по мере присоединения к антинаполеоновской коалиции все новых государств, из Петербурга последовали предписания разыскивать среди пленных и отправлять на родину союзных подданных. Из таковых в губернии отыскан лишь один человек – венгр из Бачки Юзеф Надзи, прослуживший 12 лет в австрийской армии и шесть в польской. В плену Надзи вел себя «очень хорошо» и выразил желание поступить на службу в русскую или австрийскую армию. В январе 1814 г. из Петербурга пришло указание его «как австрийского подданного отправить в отечество на обыкновенном положении»¹⁵.

В конце мая 1814 г. из Харькова в Белосток была отправлена партия поляков в составе генерала, его адъютанта, 13 офицеров и чиновников и 8 их служителей¹⁶. В июле из Ахтырки в Белосток отбыла и первая партия солдат Данцигского гарнизона. Летом через губернию потянулись домой с Кавказа поляки. Их отправляли партиями по 200 человек. «Тех, кто из прусских владений – в Белосток, из Галиции – в Радзивиллов, тех которые из российских губерний – к начальникам оных». До конца августа 1815 г. через губернию проследовали 32 партии военнопленных, суммарная численность которых, из-за неполноты архивных документов, не поддается точному учету¹⁷.

Расходы, связанные с транспортировкой и расселением пленных, брало на себя государство. В предписании от 5 сентября 1812 г. Экспедиция о государственных доходах дала указание Слободско-Украинской казенной палате отпускать по требованию губернатора деньги на содержание и отправление пленных. С июля 1812 г. по январь 1813 г. на эти нужды было издержано 409 руб. 87 коп., с января по май 1813 г. – 1238 руб. 50 коп., в мае – 5415 руб. 48 коп., июне – 10003 руб. 35 коп., июле – 4829 руб. 21 коп., августе – 12450 руб. 50 коп., сентябре – 11858 руб. 42 коп., октябре – 9495 руб. 19 коп.¹⁸ Причем около 2/3 месячных сумм уходило на содержание «транзитников».

В ноябре 1812 г. циркуляром Главнокомандующего в С.-Петербурге губернским властям было предписано заботиться о снабжении военнопленных теплой одеждой. Несмотря на повеление императора, возложившего ответственность за «снабжение одеждою приличною времени года» на «губернатора той губернии, в которую с самого начала партия пленных вступает», немало их продолжало поступать в Слободско-Украинскую губернию, не имея подходящей одежды. Положение усугублялось еще и тем, что многие пленные, получая мизерное содержание, не были в состоянии приобрести одежду за свой счет. Так, «польской службы уланского полку» подпоручик Александр Монастырский, в прошении на имя губернатора жаловался, что претерпевает «в одеянии себя крайность, дабы от зимнего холоду неполучить в здоровье повреждения, и могущих последовать болезней, ибо я с получаемых ныне на день 50 копеек денег одеть себя не могу»¹⁹. В качестве разового вспомоществования таким лицам в октябре 1813 г. правительство распорядилось выдать пособие в сумме 100 руб. на человека. До марта 1814 г. в Слободской губернии им воспользовались 178 человек²⁰.

Среди причин, по которым пленные терпели лишения, были нераспорядительность, а порой и злоупотребления со стороны чиновничества, ответственного за их обеспечение всем необходимым. Упомянутый подпоручик Монастырский объяснял свое бедственное положение тем, что ему недодали полагающееся жалование в пору пребывания в Смоленской губернии. Другой поляк – поручик Ильинский – жаловался на начальника конвоя, который присвоил часть его денег. Несмотря на следовавшие из столицы в губернский центр и оттуда в уезды строгие предупреждения, ситуация не претерпела изменений. В мае 1814 г. полковник Шапель из Данцигского гарнизона жаловался, что 22 офицера и солдата, содержащихся в Харькове, не получили положенных денег за предыдущий месяц²¹.

Впрочем, положение в плену не шло ни в какое сравнение с бедствиями во время отступления из Москвы. Заболеваемость и смертность среди лиц, находившихся в Слободско-

Украинской губернии, не была высокой. Хотя обнаруженные нами сведения об этой стороне жизни пленных фрагментарны, но и они позволяют сделать кое-какие выводы. Так, за период с января по ноябрь 1813 г. из общего количества пленных в губернии, больные, требовавшие отдельного содержания, отмечены лишь в июне – 13 чел., августе – 15, сентябре – 11 чел.²² Как видно, число больных невелико и стабильно. Правда, можно предположить, что в зимние месяцы дела обстояли хуже. Однако приводившиеся выше сведения о численности военнопленных за 1813-14 гг. не дают оснований говорить о высокой смертности среди них.

Хуже обстояло дело с «транзитниками». Согласно имеющемуся в архиве рапорту начальника конвоя одной из партий пленных, следовавших из Георгиевска в Белосток, числом в 205 чел. (в том числе четыре женщины и один ребенок), он оставил в Ставропольском госпитале 10 человек, в Ростовском – 8, Изюмской – 10. Три человека в пути умерли. Среди дошедших до Харькова было трое больных и 10 «слабосильных»²³. Таким образом, санитарные потери составили 16%. Если учесть, что Харьков расположен примерно на середине пути до пункта назначения, то по прибытии туда потери могли составить 30-40 %.

Главным источником существования пленных было выделяемое казной жалование. Стремясь сократить эту статью расходов, а также извлечь некоторую выгоду из наличия большого числа пленных, российские власти выказывали намерение использовать их труд в народном хозяйстве и даже привлечь к службе в армии²⁴. В канцелярию Харьковского губернатора неоднократно поступали из столицы предписания о необходимости отбирать среди пленных «художников, мастеровых и работников», тех «кои были употребляемы к работам при горных заводах и при рудниках», те «кто из них суконного мастерства» и т. п.²⁵ Фактов использования военнопленных на каких-либо работах в казенных учреждениях или предприятиях Слободской губернии нами по архивным данным не обнаружено. Исключение составили медики. В октябре 1813 г. губернатор предписал Слободско-Украинской врачебной палате и харьковскому полицеймейстеру трех польских лекарей: Фердинанда Вагнера, Симона Свитковского и Станислава Романовского, «так как они на сие звание их никаких документов не имеют», направить во врачебную управу, где «сделать им надлежащее испытание знают ли практику в лечении...». В ходе экзаменовки выяснилось, что «Вагнер сведущ довольно в производстве врачебной практики, а Свитковский посредственно». В январе оба лекаря были отправлены на жительство в Волчанск, причем Вагнеру было дозволено «производить по городу практику и заниматься пользованием больных в городской больнице». В Харькове с октября 1813 г. практиковали два других польских врача – Северин Лашкевич и Федор Гушпека²⁶.

Более широкое применение нашел труд военнопленных в качестве разного рода прислуги, как у лиц из местного населения, так и у своих товарищей. Порой между пленными и хозяевами возникали трудовые конфликты, арбитром в которых выступали губернские власти. Из рапорта Ахтырского городничего, датированного октябрём 1813 г., мы узнаем, что в слободе Боромля, у жены майора Сумского гусарского полка Гежелинского, проживали вдова французского офицера Терезия Клешенцова и сержант 8-го вестфальского полка Карл Эйфальт. Оба они были «трофеями» майора, причем, с их слов, Клешенцову он пригласил к жене в компаньонки, а сержанта – для обучения сына иностранным языкам. Однако, попав в дом майорши Гежелинской, они оказались в роли прислуги и, недовольные своим положением, обратились к властям с просьбой отправить их «куда следует». При расследовании выяснилось, что Гежелинская «на иностранцев никакого письменного вида не имеет, а присланы к ней от мужа при партикулярном письме, что пленные посылаются для прислуги». Губернатор наложил на рапорт городничего резолюцию – иностранцев у майорши отобрать и выслать в Харьков. Дальнейшая их участь неизвестна²⁷.

Поступление одних военнопленных в услужение к другим (причем и слуги и хозяева могли быть в равных офицерских званиях) диктовалось не столько экономическими мотивами, сколько желанием находиться в обществе соотечественников. Порой к этому способу прибегали, дабы избежать отправки в более отдаленные края. В июне 1813 г., занимаясь розыском пленных, бежавших из партии, направлявшейся в Георгиевск, власти обнаружили в г. Ахтырка кроме поселенных здесь 17 человек еще шестерых. Последние объявили, что по приглашению своих товарищей служат у них денщиками²⁸.

Некоторые из проживавших в губернии пленных изъявили желание стать российскими подданными. Любопытно, что в августе 1813 г., когда уездным городничим было поручено опросить пленных на предмет смены подданства, желающих не нашлось. Исключение составил только подпоручик Юзеф Кемпинский²⁹. Но поскольку этот офицер имел дурную репутацию

пьяницы и дебошира и даже состоял под судом за поединок с товарищем, ему было отказано. По мере приближения конца войны, очевидно понимая, что карьера в польской армии окончена, некоторые пленные переменили отношение к вопросу о гражданстве. В декабре 1813 г. подпоручик Синакевич подал прошение о вступлении в российское подданство и определении на военную службу. Выразил желание присягнуть на верность России капитан Петр Шервинский, о котором было известно, что он «худого поведения, обращается без пристанно в пьянстве». В мае 1814 г. рядовые Антоний Будакович и Петр Никитович пожелали остаться в России и записаться по городу Харькову в мещане, а Юзеф Олаховский – поступить в казенные обыватели. Даже француз – полковник Бисси – подал в феврале 1814 г. прошение о принятии в российское подданство³⁰. Чем окончились перечисленные ходатайства, из имеющихся документов не видно.

В заключение отметим, что, несмотря на все трудности и лишения, вызванные самим фактом пленения, положение солдат Великой армии, содержавшихся в Слободско-Украинской губернии, было вполне удовлетворительным. Нами не обнаружен ни один факт враждебного или предубежденного отношения к ним как со стороны властей, так и населения. Местные власти добросовестно выполняли возложенные на них в отношении пленных обязанности, снабжая последних всем необходимым и обнаруживая добрую волю в разрешении имевших порой место конфликтов и недоразумений.

Примечания

¹ Иванов К. В. Система финансирования военнопленных 1812-1814 гг.// Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы науч. конф. Бородино, 1997. С. 198-207; Бессонов В. А. Военнопленные 1812 г. в Калужской губернии.// 185 лет Отечественной войне 1812 г. Сб. статей. Самара, 1997. С. 63-78.

² Государственный архив Харьковской области (ГАХО), ф. 3, оп. 20, ед. хр. 20, л. 53.

³ Там же, оп. 19, ед. хр. 11, л. 6, 20.

⁴ Там же, оп. 20, ед. хр. 98, л. 16.

⁵ Там же, оп. 19, ед. хр. 11, л. 27.

⁶ Там же, л. 41, 45.

⁷ Там же, оп. 19, ед. хр. 15, л. 33, 39, 54.

⁸ Там же, оп. 19, ед. хр. 16, л. 48-53.

⁹ Там же, л. 39.

¹⁰ Там же, л. 44-46.

¹¹ Там же, оп. 20, ед. хр. 20, л. 53-74.

¹² Там же, оп. 19, ед. хр. 15, л. 54.

¹³ Там же, оп. 23, ед. хр. 30, л. 8.

¹⁴ Там же, л. 34.

¹⁵ Там же, оп. 20, ед. хр. 137, л. 1, 3, 8.

¹⁶ Там же, оп. 23, ед. хр. 534, л. 13, 14.

¹⁷ Там же, оп. 25, ед. хр. 86, л. 40; Там же, оп. 23, ед. хр. 409, л. 43.

¹⁸ Там же, оп. 20, ед. хр. 20, л. 53-74.

¹⁹ Там же, оп. 19, ед. хр. 12, л. 81.

²⁰ Там же, оп. 20, ед. хр. 101, л. 76-78.

²¹ Там же, оп. 19, ед. хр. 12, л. 81; Там же, ед. хр. 14, л. 3; Там же, оп. 23, ед. хр. 307, л. 160.

²² Там же, оп. 20, ед. хр. 20, л. 60, 66, 70.

²³ Там же, оп. 23, ед. хр. 408, л. 84.

²⁴ Сироткин В. Г. Судьба французских солдат в России.// Вопросы истории, 1974, № 3, с. 129-136; Иванов К. В. Французы-казаки.// 185 лет Отечественной войне 1812 года. Самара, 1997. С. 91-95.

²⁵ Там же, оп. 19, ед. хр. 16, л. 13, 14; Там же, ед. хр. 800, л. 118.

²⁶ Там же, оп. 19, ед. хр. 12, л. 27, 114; Там же, ед. хр. 14, л. 113.

²⁷ Там же, оп. 19, ед. хр. 12, л. 19, 20.

²⁸ Там же, оп. 20, ед. хр. 105, л. 2-8.

²⁹ Там же, оп. 19, ед. хр. 14, л. 83.

³⁰ Там же, оп. 20, ед. хр. 3, л. 27-36.